

Проф. Б. Б. Пиотровский

## НОВАЯ СТРАНИЦА ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ КАВКАЗА

(II тысячелетие до н. э.)

Велики достижения советской исторической науки в деле изучения седых древностей. Археология прочно стала исторической дисциплиной, и коллекции древностей теперь окончательно переведены из Кунсткамеры в Музеи по истории культуры.

Древнейшие «доисторические» памятники, которым раньше отказывалось в праве быть историческими источниками ввиду того, что от их эпохи не дошло письменности, а без письменности не признавалась история, при новом к ним подходе заговорили по-новому. Правда, от этой древнейшей эпохи до нас не дошли имена вождей, остались забытыми исторические анекдоты, но взамен этого археологические материалы дают нам картину развития древней культуры, без которой нельзя понять более поздние этапы истории.

Еще совершенно недавно древнейшие памятники Кавказа, известные только по археологическим материалам, объединялись общим термином «дохристианские древности» и рассматривались монолитно как нечто целое и однородное.

За годы советской власти в республиках Кавказа археологическим работам было уделено много внимания и археологическое изучение Кавказа значительно продвинулось вперед. Новые памятники, зачастую совершенно изменившие наши прежние представления о древнейшей истории края, открывались не только путем планомерных раскопок, но также случайно обнаруживались при широко развернувшихся работах социалистического строительства. В этих случаях археологическое обследование велось специальными экспедициями, работавшими на средства строительства, на территории которого были найдены древние памятники.

Но кроме полевой работы, которая не во всех частях Кавказа была развернута в одинаковой степени, в центральных и республиканских научно-исследовательских учреждениях проводилась большая синтезирующая работа над добытыми материалами.

Работа эта была плодотворной. Кроме публикации итоговых работ по отдельным районам Кавказа, вышли сводные работы по металлургии Кавказа в целом, а I том истории СССР, изданный Институтом

Истории Материальной Культуры Академии Наук СССР, дал впервые для всего Кавказа обзор его древнейшей истории.

Не все вопросы древнейшей истории Кавказа могли быть подняты в полном объеме. Основные проблемы работ археологов, кроме установления периодизации памятников, были следующие: неравномерность развития отдельных обществ Кавказа, появление и развитие местной металлургии, неолитическое наследие в эпоху меди и бронзы на Кавказе, из которого проистекают архаизмы культуры, взаимоотношения культуры степей, предгорья и горных районов в древнейшей истории и установление времени заселения и освоения горных районов в связи с развивающимся скотоводством. Вот те проблемы, над которыми работали последнее время археологи-кавказоведы.

Из древнейших памятников Кавказа наилучше известны и разработаны были памятники первой половины I тысячелетия до н. э. Работы же последних лет открыли новую страницу древнейшей истории Кавказа, предшествующую этому периоду. Теперь становятся на свое место и известные ранее удивительные памятники, стоявшие совершенно особняком.

Настоящая статья имеет целью ознакомить читателя с основными итогами изучения памятников II тысячелетия до н. э., ставших известными лишь за последние 15 лет. Изложенный здесь материал я собирал вместе с А. П. Кругловым для нашей совместной работы по культуре Кавказа II тысячелетия до н. э., оставшейся неосуществленной вследствие того, что в январе 1942 г. А. П. Круглов был убит на фронте при защите Ленинграда.

Совместное изложение археологических материалов Закавказья, горного и Северного Кавказа, позволит лучше понять взаимосвязь этих районов в древности.

Археологические исследования последних лет совершенно изменили прежние представления о древнейшей истории Закавказья. Работы С. Н. Замятина и Г. К. Ниорадзе на Черноморском побережье и в Западной Грузии открыли большое число местонахождений остатков эпохи палеолита; новые находки палеолитических орудий, значительно дополняющие материал, опубликованный Ж. де Морганом в 1909 г., стали известны и в Армении. Из их числа наибольший интерес представляет материал, собранный геологом А. П. Демехиным в Арзни, к сожалению, не изученный еще археологами. На очереди археологических исследований стоят также поиски палеолита в Восточном Закавказье.

До последнего времени, буквально до последних лет, все еще была очень распространена теория, согласно которой «первой культурной ступенью» на Кавказе была «бронзовая эпоха со следами неолита», причем это мотивировалось тем, что «современное население Закавказья в наибольшей своей массе происходит с юга, откуда оно принесло высокую металлургическую технику в готовом виде» (А. Флоренский).

Скептическому отношению к неолиту Армении содействовали так-

же неправильные датировки некоторых археологических комплексов и циклопических крепостей, которые по наличию в них каменных орудий, иногда архаичных по своему виду, относились к «каменному веку» (Х. Савелян, Т. Тораманян). Развенчивание этих псевдонеолитических комплексов невольно укрепляло недоверие к подлинному закавказскому неолиту.

Ныне неолит Закавказья представлен вполне достоверными комплексами.

В 1936 г. С. Н. Каландадзе в Метрелии, около сел. Одиши, собрал большой материал неолитического периода, среди которого микролиты тарденуазских форм сочетались с тесаными и полированными каменными орудиями.

Несколько более поздний материал был обнаружен на древних поселениях Тетрапица и Сатаплиа, около Кутаиси, обследованных в период 1924—32 гг. местным краеведом П. И. Чабукиани. Кроме многочисленных каменных клиновидных орудий частичной или полной полировки, там были найдены кремневые наконечники стрел и дротиков, вкладыши лезвий серпов, а также терки из пористого камня.

Таким образом, материал из этих поселений документировал первобытное земледелие. Среди немногочисленных сравнительно керамических изделий имеется обломок глиняной статуэтки, изображавшей, по видимому, женщину, а среди каменных изделий встречены браслеты, вырезанные из мергеля.

Отдельные неолитические орудия встречены во многих местах Грузии, в частности целая коллекция клиновидных полированных орудий хранится в Зугдидском музее.

В Армении за последнее время изучение неолита также значительно продвинулось вперед. В 1926 г. А. А. Потаповым были проведены небольшие разведки в районе Вагаршапата с целью обследования трех местонахождений, относящихся к позднему неолиту.

Во время этих работ удалось заметить, что неолитические стоянки Армении располагаются на второй речной террасе, причем их культурные остатки вскрываются путем эрозии. В обследованных местонахождениях наблюдалось значительное преобладание орудий из обсидиана над кремневыми.

С каждым годом число известных в Армении неолитических памятников увеличивается и настоятельным становится вопрос об их систематическом изучении.

В Восточном Закавказье неолит не изучался вовсе и отсюда известны лишь отдельные находки (Кировабадский музей).

Памятники эпохи неолита в горном и на Северном Кавказе обнаружены также лишь в последнее время. Наиболее крупные в этом отношении работы были осуществлены в Кабардино-Балкарии, где с 1929—33 гг. работала Северо-Кавказская экспедиция Гос. Академии Истории Материальной Культуры<sup>1</sup> (под общим руководством А. А.

Миллера). Экспедицией были произведены раскопки поселения в урочище Затишье (б. участок Агубекова) и могильника в г. Нальчике.

В культурном слое поселения найдены многочисленные орудия из кремня и обондиана, плоские каменные полированные топоры, небольшие терки, песты и обломки примитивных глиняных сосудов.

Могильник в Нальчике представлял собою невысокий курган, образовавшийся, повидимому, из слияния мелких насыпей. При раскопках экспедицией было открыто 121 погребение, в которых покойники лежали в скорченном положении и часто были густо обсыпаны красной краской. При них были найдены каменные браслеты из мергеля, совершенно аналогичные найденным в Тетраица, подвески из кабаньих клыков, зубов диких животных и раковин, бусы из змеевика, мрамора, чешира и пасты. Металл встречен только в одном погребении в виде маленького медного колечка.

Раскопанные памятники, хронологически близкие один к другому, при совместном их рассмотрении позволили дать социально-экономическую характеристику одного из начальных этапов развития общества на Северном и в горном Кавказе (I стадия по терминологии Северо-Кавказской экспедиции).

Основным занятием в этот период была охота, о чем свидетельствуют и кремневые наконечники стрел и кости диких животных, найденные как на поселении, так и в могильнике. Небольшие терки, сделанные из вулканического туфа, не могли служить для растирания злаков, а скорее употреблялись для обработки продуктов собирательства—орехов, желудей, корней растений. Никаких данных о скотоводстве и земледелии нет. Обмен находился в зачаточном состоянии, распространяясь исключительно на предметы украшений.

Неолитические поселения были обнаружены и на побережье Черного моря, но за исключением Ахштырской пещеры на р. Мзымта. в Адлерском районе, они не раскапывались. При исследовании С. Н. Замятинным Ахштырской пещеры (1937—38 гг.) были обнаружены плоские шлифованные топоры, преимущественно из сланца, мелкие кремневые орудия, поделки из кости, обломки глиняных сосудов и кости диких животных. Недалеко от пещеры, вблизи с. Казачий Брод, найдена стоянка-мастерская с каменными шлифованными топориками и мотыжками из сланца. Значительное собрание этих предметов хранится в Сочинском Музее Краеведения.

Возможно, найденные здесь наконечники мотыг следует рассматривать как показатель начинающегося земледелия; это тем более вероятно, что земледельческий характер закавказского неолита выступает совершенно отчетливо.

При сравнительном изучении неолита Кавказа наблюдается уже неравномерность развития и его темпов в отдельных районах и, в частности, более интенсивное развитие культуры в Закавказье, где земледелие появляется в неолитическую эпоху раньше, чем на Северном Кавказе.

Значительные результаты достигнуты за последние годы в области изучения времени освоения на Кавказе и в Закавказье металла, первоначально меди, т. е. энеолитического периода. Кроме открытия целого ряда новых памятников, совершенно изменивших наши прежние представления о древнейшей истории Кавказа, была проведена громадная научно-исследовательская работа по учету и систематизации ранее открытых памятников, по выявлению хронологически различных их групп и составлению хронологических схем.

Первая попытка сводной периодизации древнейших памятников Кавказа и Закавказья была дана в I томе «Истории СССР», изданном Институтом Истории Материальной Культуры АН Наук СССР в 1939 г.; последующие работы подтвердили ее правильность.

Уже в конце III тысячелетия до н. э. на юге от Кавказского хребта складывается общество с развитым оседлым земледелием, наряду с которым существовало и скотоводство.

Раскопки последних лет показали, что эти характерные комплексы памятников древнейшей культуры нельзя рассматривать как явление местное, так как они характеризуют определенные культурные этапы на широкой территории.

В Закавказье общество начального этапа средней ступени варварства, т. е. «эпоха ранней бронзы», по археологической терминологии, наилучше представлена древнейшими поселениями, изученными на территории Армении. Они относятся, повидимому, к концу III и к началу II тысячелетия до н. э. Наиболее полно известен материал из двух поселений—Шенгавитского, около Еревана, и Шреш-блур, у Вагаршапата<sup>2</sup>. Земледелие в этих древних поселениях выступает уже в развитой форме—в жилищах были обнаружены зерна и целые колосья твердой пшеницы.

Зерновой материал из раскопок успешно обрабатывается проф. М. Г. Туманяном.

В составе же стада засвидетельствован как крупный, так и мелкий рогатый скот. Глиняные изделия, в частности подставки под сосуды, связанные с очагом, изготовлялись в форме баранов и быков, встречаются также каменные и глиняные фигурки, изображающие рогатый скот.

Основные орудия этих энеолитических поселений изготовлялись из кремня и обсидиана, чаще они были составными, из отдельных пластин, закрепленных в деревянной или же костяной основе, но встречаются также орудия и оружие из цельного камня, как, например, каменный молоток с отверстием для рукоятки и шаровидная булава.

При преобладании каменных и костяных изделий имеются и отдельные медные предметы—шилья и булавки, кроме того, был найден обломок литейной формы для плоского топора.

Особенно характерна для этих поселений керамика. Сосуды обычно небольшие, изготовленные от руки, с черной до блеска лощеной поверхностью, украшенные резным, а также выпуклым и вдавленным орнаментом. Эти сосуды, требовавшие при их изготовлении большого труда,

поражают качеством своего изготовления, и многих смущает то обстоятельство, что эта керамика сменяется более простой. Резные и налпные украшения постепенно исчезают и сосуды приобретают гладкую полированную черную поверхность (древнее поселение у Элара).

Поселения этого же типа стали известны и в Грузии.<sup>3</sup> Так, в 1939 г. в Цалкинском районе Б. А. Куфтин, исследуя крепостные сооружения, обнаружил в их нижних слоях комплекс, аналогичный вышеописанным. Так, в Бешташенской крепости в ее нижних слоях, встречены черная лощеная керамика с выпуклым узором, кремневые наконечники стрел с черенком и ладьевидные зернотерки.

В этом же слое была найдена глиняная статуэтка животного с облюманной головой (барана или же быка). Б. А. Куфтиным были раскопаны и два погребения в каменных ящиках, датируемые также энеолитическим временем.

Подобные памятники известны и из района Тбилиси. Керамика с налпным узором (двойная спираль), очень близкая к Шреш-блурской и Триалетской, была обнаружена Е. Г. Пчелиной около сел. Кикети, у Коджор.<sup>4</sup>

Материал, которым мы в настоящее время располагаем, обрисовывает широкое распространение этой культуры. Лощеная керамика с выпуклым орнаментом, тождественная вышеотмеченной, имеется среди материалов раскопок 1914 г. П. Ф. Петрова у сел. Малакю, у подножия Арарата.

По общему облику к энеолитическим поселениям Центрального Закавказья близки древнее поселение на холме Шамирамальти, около г. Вана<sup>5</sup>, а также некоторые селища восточной части Малой Азии, неправильно определенные их исследователями как неолитические.

В Восточном Закавказье поселения этого типа до сих пор еще неизвестны, но надо полагать, что они существуют, связывая памятники Центрального Закавказья с южно-дагестанскими, в частности, с древним поселением у ст. Каякент, обследованным в 1939 г. А. П. Кругловым, в котором была обнаружена керамика, чрезвычайно сходная с Шреш-блурской. А. П. Круглов давал следующую характеристику Каякентского поселения, относимого им к первой половине II тысячелетия до н. э.: «Поселение имело укрепленный характер, жилища сооружались из камня и плетенки, обмазанной глиной. Основой хозяйства было земледелие, о чем свидетельствуют каменные зернотерки, песты, кремневые вкладыши в серпы, находки хлебных злаков в толще глиняной обмазки печи и в глине, из которой изготовлялись сосуды. По определению В. А. Петрова, остатки принадлежат к твердой пшенице. Значительную роль в хозяйстве играло скотоводство; встречены кости крупного и мелкого рогатого скота. Керамика Каякентского поселения, украшенная налпным орнаментом, часто обработанная лощением, находит себе ближайшие параллели в памятниках Закавказья типа поселений Шенгавит, Шреш-блур, Кюль-тапа. С этими памятниками Каякентское поселение может быть сближено и по общему облику культуры».<sup>6</sup>

К энеолитическому периоду истории Кавказа следует отнести и древнейшие поселения Колхиды, систематическое изучение которых только начато. К настоящему времени обследованы только два поселения, первое поселение Наохваму (1933—39 гг.), около сел. Река, и второе у Анаклии (1935—36 гг.), давшее весьма интересный материал.

Энеолитическим временем надо датировать и дольмены Черноморского побережья (Абхазия). Раскопки дольменов в сел. Кюрдере, около Сухуми, произведенные М. М. Ивашенко и Б. А. Куфтиным,<sup>7</sup> дали многочисленный материал, свидетельствующий также об использовании этих могильных памятников в течение длительного промежутка времени.

Большинство энеолитических поселений Закавказья располагалось на небольших естественных возвышенностях, причем некоторые из них имели еще оборонительные сооружения в виде стен, сложенных из необработанных каменных глыб, или же валов со рвами. Материал для построек применялся различный. Так, в Колхиде, в посел. Наохваму было открыто бревенчатое сооружение. Хотя назначение этой постройки, из-за незавершенности исследования, пока еще неясно, все же очевидно, что в припонтийских субтропических лесах Западного Закавказья сложный бревенчатый сруб был в то время одной из основных форм домостроительства. В Шенгавитском поселении жилища были сооружены из сырцового кирпича на каменном фундаменте и состояли из большого (6—7 м. в диаметре) круглого помещения, с примыкавшей к нему прямоугольной комнатой. В центре круглого помещения находился очаг сложной формы и возле него главный столб, несущий конусовидное перекрытие из жердей и плетня. Эта конструкция представляет исключительный интерес, так как, повидимому, именно в ней мы находим первообраз типичного для всего Закавказья архаического жилища, пережиточные формы которого доживают, вплоть до современности.

Если на территории Восточного Закавказья нельзя еще указать поселений первой половины II тысячелетия до н. э., аналогичных описанным выше, то могильники, относящиеся к этому времени, известны. Э. А. Реслер еще в 1903 г. у с. Голицино, в Шамхорском районе, раскопал один курган, являющийся, повидимому, очень древним. В нем при вытянутом костяке, головою на запад, были обнаружены обломки грубых глиняных горшков и кремневая пластинка.

У колонии Анненфельд, в том же Шамхорском районе, был обнаружен целый склад кремневых пластинок, значительных по своей величине. Одна пластинка из коричневого кремня, длиной в 17,5 см., при ширине в 2,5 см., поступила в Исторический Музей.

К группе энеолитических памятников я причисляю также некоторые из курганов на р. Хаченагет (Нагорный Карабах), раскопанных в 1897 г. Э. А. Реслером.<sup>8</sup>

Курганы эти имели каменные насыпи (высотой до 2,5 м.), погребения помещались в грунтовых ямах квадратной или прямоугольной формы. В первом кургане находился один костяк, во втором—два. Из ору-

дий в могилах обнаружены: два обсидиановых вкладыша, два обсидиановых отщепа, кремневое орудие, каменная шаровидная булава и небольшие медные ножи.

В обоих погребениях найдены золотые изделия—цилиндр из листового золота с выдавленным узором и подвески из спирально скрученной проволоки. Особенно интересна керамика, представленная небольшими сосудами «блестяще-черного цвета» с выкуплым или же вдавленным орнаментом, напоминающая керамику из Шенгавита и Шреш-блур. Весь комплекс лишь подкрепляет такое сопоставление.

Материал старых раскопок Э. А. Реслера дополнен теперь работами Я. И. Гуммеля. В 1939 г. в Степанакерте им был исследован курган со впускными погребениями начала I тысячелетия до н. э., основные погребения которого дали следующий материал: две шаровидные каменные булавы, множество кремневых наконечников стрел со стержнем, большое число обсидиановых отщепов, три золотые бусы, золотую серьгу, плоский медный кинжал, такой же наконечник копья и глиняные сосуды. Несмотря на то, что этот комплекс предметов еще не опубликован, все же совершенно очевидно его сходство с энеолитическим Центрального Закавказья. Каменные булавы являются общим типом оружия, наконечники стрел со стержнем сближаются с такими же из Бешташенской крепости, а золотые изделия и медные предметы связывают Степанакертский курган с Хаченагетскими. Отлична лишь керамика. Она лучше известна по другому кургану, раскопанному Я. И. Гуммелем в Степанакерте в 1938 г.<sup>9</sup>

Каменная курганный насыпь перекрывала круглое могильное сооружение, в котором находилось 48 погребений в различных положениях—в лежащем, вытянутом и в скорченном, а также и в сидячем.

В могилу были положены обсидиановые отщепы и около 30 сосудов разнообразной формы. Встречены сосуды баночной формы, кувшины с одной ручкой, сосуды с двумя ручками, а также чашки. Керамика эта весьма своеобразна, все сосуды вылеплены от руки, причем они изготовлялись на основе из грубой ткани, обмазывавшейся глиной с обеих сторон. При обжиге ткань обугливалась, но ее отпечатки сохранялись внутри черепка и обнаруживаются при отщеплении поверхности.

Подобная керамика была найдена и в Ханларе, в Кизлик-даге, на месте древних выработок кремня.

В середине II тысячелетия до н. э. в обществе Закавказья наблюдаются существенные изменения.

С увеличением скотоводства происходит постепенное накопление богатств в руках отдельных племен.

Развивается обмен, крепнут культурные связи со странами Передней Азии. Но вместе с этим усиливаются и враждебные отношения между племенами Закавказья, причем скот и пастбища становятся основным объектом захвата.

В это время поселения окончательно принимают вид укрепленных

городищ со стенами, сложенными из громадных (до 2 м. высоты) каменных глыб.

Поселение обычно выходит также и за пределы крепостной ограды, но в минуты опасности, при приближении врага, все население вместе со скотом укрывалось за неприступные стены.

И внутри самого племени начинает усиливаться имущественное неравенство, так как в руках вождей скоплялись большие материальные ценности.

Особенно ярко эта культура представлена богатейшими погребальными памятниками, открытыми за последние годы в Триалети (Грузия). Они свидетельствуют о чрезвычайно развитой местной культуре, связанной<sup>10</sup> с Древним Востоком, о чем, с несомненностью, говорят памятники искусства, найденные в большом количестве.

Могилы этого времени, раскопанные Б. А. Куфтиным, представляли собою курганы, сооруженные иногда из камней и перекрывающие громадную могильную камеру, в отдельных случаях глубиной до 7—9 м., сплошь заваленную крупными валунами. Уже одно это могильное сооружение, несомненно, требовало для своего выполнения огромного количества рабочих рук. Погребения Триалети (Цалкинского района) донесли до нашего времени облик культуры, полной своеобразия и небывалого до тех пор варварского великолепия. И, совершенно несомненно, они являются погребениями вождей племен, причем в могилу клались их личное богатство. Покойник помещался в центре могилы, иногда на массивной деревянной четырехколесной повозке, в могилу к нему клались также туши мелкого и крупного рогатого скота (бык, коза). Вокруг погребальной колесницы ставилось большое количество роскошных глиняных сосудов; в одном из курганов было обнаружено 24 сосуда красного и желтого цвета с росписями черной и бурой краской, а также черные сосуды с резным узором, заполненным красной краской.

Оружие в это время уже изготовлялось из бронзы, причем некоторые из предметов украшались инкрустацией из серебра, иногда и клинки кинжалов целиком изготовлялись из серебра. Но наряду с металлическим оружием употреблялись и каменные предметы, как, например, архаической формы кремневые и обсидиановые наконечники стрел.

Особенно замечательны в Триалетских курганах изделия из драгоценных металлов. Среди золотых и серебряных чаш и кубков выделяется массивный золотой кубок, украшенный вставными полудрагоценными камнями и филигранью, свидетельствующей о высокой степени ювелирного искусства.

Вместе с этим кубком в могиле находилось и серебряное ведро с золотой ручкой, сплошь покрытое изображениями животных среди деревьев. Но, несомненно, самым интересным предметом из Цалкинских находок является серебряный кубок на невысокой ножке, покрытый чеканными изображениями.

В нижнем поясе вереница оленей, самцов и самок, в верхнем —

процессия фигур со зверьими головами и хвостами при человеческом туловище, несущих в руках сосуды. Процессия направляется к фигуре подобного же облика, но сидящей на троне перед деревом. Около главной фигуры помещены два жертвенника и лежащие жертвенные животные. В изображениях на этом кубке влияние искусства Передней Азии несомненно, что подчеркивается и деталями изображений. Но несмотря на влияние искусства Древнего Востока, отразившееся как в этом памятнике, так и в ряде других, своеобразие цалкинских изделий настолько велико и связи с местной Кавказской культурой настолько отчетливы, что в них мы должны видеть памятники высоко-развитой культуры одного из закавказских обществ. Тriaлетские курганы, несомненно, принадлежат племенной верхушке и свидетельствуют о далеко зашедшем имущественном и социальном расслоении.

Рядовые погребения этой же культуры дал могильник у крепости Кизил-кала, на р. Занге, против Качакира, исследованный еще в 1896 г. П. И. Чарковским.<sup>11</sup> Групповые могилы под небольшой каменной насыпью содержали лишь по несколько расписных сосудов, тождественных с некоторыми, происходящими из Тriaлетских курганов.

Но несомненно, в Закавказье будут еще открыты богатые погребения этой культуры, так как трудно предположить, чтоб в то время был только один центр, да и, кроме того, отдельные золотые вещи типа тriaлетских становятся уже известными из других районов. Такой комплекс несколько лет тому назад был обнаружен случайно в Узунларе, но разведочные работы, проведенные там, могильника не обнаружили.

Характерная расписная керамика типа Тriaлетских курганов известна на очень широкой территории.

Самые восточные ее образцы происходят из Зурнабада,<sup>12</sup> где было раскопано погребение, содержавшее 4 расписных сосуда, обломок обсидианового наконечника стрелы и куски бронзовой или медной спирали (кольца).

Для уточнения датировки комплексов памятников, в которых встречается расписная керамика, весьма большое значение имеют раскопки, успешно произведенные в 1936 — 37 гг. на холме Муханнат-тапа, в Ереване, где была прослежена стратиграфия материала.<sup>13</sup> Нижний слой Муханнат-тапа, залегающий под слоем урартского времени, содержал наряду с черной лощеной также и расписную керамику, известную ранее только из могильников. Это наблюдение подкрепляет предположение о датировке расписной керамики Закавказья серединой и второй половиной II тысячелетия до н. э. и подчеркивает несостоятельность датировки ее чрезвычайно отдаленным временем.

Еще в 1895 г. в Археологическую Комиссию от офицера пограничной стражи Н. В. Федорова поступила приобретенная широкой известностью расписная керамика, происходящая из могильника, открытого на левом берегу Аракса, у монастыря Кизил-Ванк.<sup>14</sup>

Сосуды имели полихромную роспись черной и красной краской по

светлому фону, напоминая по внешнему виду древнюю расписную керамику Передней Азии. Поэтому Кизил-Ванский могильник до последнего времени датировался очень отдаленным временем, III и IV тысячелетием до н. э.

Для старой археологии была типична формалистическая тенденция всякую расписную керамику, в том числе и Закавказскую, связывать с расписной керамикой Ирана и Туркмении (Сузы, Анау) и датировать всю ее IV—III тысячелетием до н. э. Выше было уже указано, что теперь в Закавказье мы имеем расписную керамику, стратиграфически связанную с комплексом памятников середины и второй половины II тысячелетия до н. э. Вместе с тем стали известны и подлинные параллели закавказской расписной керамики как в Турции, так и в Иране. Монохромные расписные сосуды имеют ближайшие аналогии в переднеазиатских древних поселениях и могильниках (Тепе-Сиалк II, Тюрентепе и Шах-тепе в Иране, Шамирамалти II в Турции).

Сосуды из Кизил-Ванка как по формам, так и по росписи находят также аналогии в переднеазиатском материале II тысячелетия до н. э. (могильники у оз. Урмии, в Луристане, у Кошана). Вполне правильно также сопоставление кизил-ванкской керамики с хеттской (XIV—XII вв. до н. э.). При вопросе датировки полихромной керамики Закавказья не следует игнорировать и расписную керамику Ванского района, которая, по наблюдениям американской экспедиции, работавшей там в 1939 г., не только предшествует в основном урартам, но и продолжает сосуществовать с древней урартской.

К концу II тысячелетия до н. э., по видимому, относится могильник у сел. Шахтабты, содержащий каменные ящики, заключенные иногда в кромлехи.<sup>15</sup>

В могилу помещался также конь, что сигнализирует существенные изменения в хозяйстве, связанные с преобладанием кочевой формы скотоводства.

Вместе с тем оформляются окончательно и патриархальные отношения, что в культе выразилось заменой женских статуэток мужскими.

Общество Закавказья стоит уже на пороге высшей ступени варварства. В одной из могил Шахтабтинского могильника среди 30 разнообразных сосудов один оказался расписным с полихромной росписью, содержащей изображения животных и птиц, размещенных в нескольких полосах. Эта находка отчетливо показывает, что по одному лишь признаку полихромности нельзя относить сосуды к глубокой древности и что сложные композиции в росписях не всегда являются признаком начального этапа.

Значительные результаты достигнуты за последние годы и в области изучения памятников эпохи меди и бронзы на Северном Кавказе. Основная периодизация этой эпохи дана А. В. Шмидтом<sup>16</sup> и А. А. Нессеном,<sup>17</sup> первая схема основана преимущественно на материале кубанских курганов, вторая же охватывает значительно более широкую территорию, включая не только Северный Кавказ, но и Закавказье.

Весьма интересные результаты в области изучения эпохи бронзы Кавказа дали раскопки Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в Кабардино-Балкарии.

Из исследованных там памятников в первую голову следует указать древнее поселение у хут. Долинского.<sup>18</sup> Оно занимает большой участок верхней террасы реки Нальчика, протяженностью до 1,5 км.

Раскопками были вскрыты остатки глиняных построек в виде больших плетеных хижин, обмазанных глиной. Внутри жилища помещалось несколько очагов, имевших вид глубоких ям, расширяющихся к низу. На глинобитном полу и в ямах для хранения запасов стояли глиняные сосуды. В культурном слое найдены многочисленные кремневые орудия.

О хозяйстве древних обитателей можно судить по находкам костей крупного рогатого скота, свидетельствующих о скотоводстве, и по вещественным остаткам, связанным с земледелием (каменные наконечники мотыг, кремневые вкладыши в серпы, каменные зернотерки и песты). Обрабатываемые участки располагались вблизи жилищ, на что указывает перемешанность погребенной почвы между жилыми постройками.

В окрестностях Нальчика было исследовано несколько курганов эпохи бронзы. Для них характерно обилие медных украшений—булавок в виде молоточка, височных колец, дисковидных или кольцевых подвесок, спиральных браслетов, бус и др. Многие предметы отлиты по восковой модели и богато орнаментированы. Типичны глиняные сосуды, украшенные веревочным узором. Наряду с медными орудиями продолжают бытовать мелкие изделия из кремня, полированные каменные топоры, каменные наконечники булав и др.<sup>19</sup>

Материал этот устанавливает также и отчетливые связи с Закавказьем, как это показывают находки в причерноморских дольменах и особенно медные изделия из могильника в Сачхери, представляющие почти что полную копию северокавказских предметов.

Параллельное изучение материала из древних поселений и могильников позволило наметить следующие характерные черты данного этапа развития общества на Кавказе (II стадия). Основой хозяйства являлось мотыжное земледелие и скотоводство (разведение крупного и мелкого рогатого скота).

Возникает местная металлургия меди. Анализ металлических изделий указывает на использование полиметаллических руд. Развивается междообщинный обмен и намечается имущественная дифференциация, общественный строй этого периода характеризуется оформлением патриархальных отношений.

В связи с ростом скотоводства стоит начавшееся на данном этапе освоение горных районов Кавказа.

Материал, подкрепляющий это положение, пополнился раскопками могильников у с. Галиат и на холме «Загли-барзонд», над с. Верхний Кобан, в Северной Осетии, произведенными Е. И. Крупновым от Гос. Исторического Музея.<sup>20</sup>

Накопление богатств в руках вождей племен и имущественная дифференциация в древнем обществе Северного Кавказа II тысячелетия до н. э. представлены знаменитым курганом, раскопанным в г. Майкопе еще в 1897 г.<sup>21</sup>

Этот курган по своему богатству невольно напоминает курганы Триалетии, и, несомненно, они стоят в самой близкой стадияльной связи, характеризуя тот же этап развития общества.

Под курганной насыпью, высотой в 10,65 м., находилась большая могила (3,73×5,33 м.), пол которой был выложен речной галькой, а стены облицованы деревом.

Поперечной деревянной перегородкой она делилась пополам, причем северная ее часть, в свою очередь, делилась еще на две части.

В южной, большей части, помещался один мужской скелет, лежащий с подогнутыми ногами и густо обсыпанный красной краской. При нем было найдено громадное количество золотых украшений: 68 штампованных пластинок с изображением львов, 19 пластинок с изображением быков и множество разнообразных бус и пронизей из золота, серебра, лазурита, сердолика и бирюзы.

У правой стороны погребенного найдены четыре серебряные (с золотыми концами) трубки, дл. в 1,03 м., на нижние части которых были надеты массивные фигурки быков из золота и серебра. Эти трубки являлись частями балдахина, пологом которого, украшенным нашитыми золотыми пластинками, был покрыт покойник.

Около колен костяка находились кремневые наконечники стрел ромбической формы и мелкие микролитовидные кремневые вкладыши архаического типа.

У восточной стены могилы лежали металлические сосуды, среди которых два были золотые, один каменный с золотой горловиной и 14 серебряных. Два серебряных сосуда были украшены замечательными изображениями.

По верхнему краю одного из них шло изображение горной цепи, двух деревьев и медведя, стоящего около дерева на задних лапах. На тулове сосуда изображены две реки, соединяющиеся на дне сосуда в кругу, воспроизводящем, повидимому, озеро. Тут же помещены фигуры двух быков, лошади, льва, львицы, кабана, антилопы и горного козла.

На втором сосуде, кроме орнаментальных мотивов, изображен лишь один ряд животных, представляющий сцену нападения хищников (пантер) на быка и козла.

Около металлических сосудов лежали медные орудия: проушной топор, мотыга, два плоских топора, долота, плоский топор примитивного типа и др.

В двух северных помещениях обнаружено по одному скелету. В восточном лежал женский костяк с серьгами из золотой проволоки с низинными сердоликовыми бусами и около него группа крупных медных сосудов. При костяке второго погребения найдены золотые и сердоликовые бусы, а также крупный глиняный сосуд.

Совершенно очевидно, что Майкопский курган не относится к рядовым захоронениям, а представляет собою могилу вождя племени. Многие роскошные вещи, найденные в могиле, — несомненно, привозные или же носят следы влияния других областей. В частности, изображения на серебряных сосудах и золотые пластинки свидетельствуют о связях с культурой древнего Востока, с областями Передней Азии. Материал, из которого изготовлены бусы, также попадал в Прикубанье путем обмена издалека. Сердолик и бирюза доставлялись через Закавказье из Ирана, а лазурит из Средней Азии. Вполне возможно, что и медь, из которой изготовлены орудия, также южного, закавказского происхождения.

Разрешению многих вопросов, поставленных Майкопским курганом, препятствует то обстоятельство, что мы до сих пор не имеем достаточного материала для связи Майкопского кургана с одновременными ему рядовыми могильниками и древними поселениями на Кубани. Ковремени несколько более позднему, чем Майкопский курган, относятся два дольмена в курганных насыпях, раскопанных в 1898 г. у ст. Новосвободной (б. Царской), — и клад, найденный у ст. Старомышастовской. Из клада происходят: серебряный сосуд с округлым дном и крышкой, серебряная статуэтка антилопы, золотая протома льва и большое количество бус из золота, серебра, сердолика и лазурита. Предметы из этого клада, как золотая протома льва и бусы из иранского сердолика и среднеазиатского лазурита, отчетливо отмечают связи с южными областями.

Материал из больших кубанских курганов как будто связывается и с материалом из Долинского поселения, где стратиграфически устанавливаются два комплекса, из которых нижний можно сближать с Майкопом, а более поздний с курганами из ст. Новосвободной. С Майкопским курганом правомочно сопоставление и основного погребения в кургане № 10, раскопанном в 1936 г. у ст. Моздок, давшем целый ряд погребений конца эпохи бронзы.<sup>23</sup> Изучение структуры насыпи позволило наметить три хронологически различные группы захоронений.

Изучение памятников развитой бронзы Северного и горного Кавказа, относящихся к концу II тысячелетия до н. э., показывает чрезвычайно большие локальные различия. Выделяются отдельные районы, имеющие своеобразный облик культуры. Некоторые районы Северного Кавказа выявляют отчетливые связи с культурой эпохи бронзы степной части Восточной Европы. Таковы памятники Моздокского района, связываемые с курганами, раскопанными в 1933—37 гг. на Маныче,<sup>24</sup> а также на территории Нижнего Поволжья и Калмыкской АССР.

В начале I тысячелетия до н. э. завершается тот процесс развития общества на Кавказе, который мы наблюдали на протяжении всего II тысячелетия до н. э.

Скотоводство становится основным видом хозяйства, причем в составе стада начинает преобладать мелкий рогатый скот — основной

источник накопления примитивного богатства и частной собственности. Новые потребности все растущих стад не могут удовлетворить прежние пастбищные базы—в лесах и на усадебных участках. В стремлении к расширению этой базы начинается истребление лесов и постепенное освоение альпийских лугов. Скотоводство получает полукочевой характер, и значительно усиливается естественное разделение труда между горными и долинными районами Кавказа.

Техника земледелия развивается, появляется металлический серп и молотилка, в которую впрягается рабочий скот. Растет садоводство, хорошо документированное материалами из древнего поселения конца II—начала I тысячелетия до н. э., раскопанного около г. Ханлара, Кировабадского района. В большом каресе, впущенном в пол жилища, были обнаружены косточки винограда, с несомненностью свидетельствующие о далеком прошлом виноградарства и виноделия в Закавказье.

Весьма интересны также данные и о плодовых деревьях этого периода. На полу одного из жилищ были найдены косточки миндаля и персика, говорящие о разведении культурных сортов этих плодовых деревьев.

К началу I тысячелетия оформилась и местная закавказская металлургия, связанная с определенными медно-рудными районами. Выделяются несколько районов закавказской металлургии с определенными комплексами металлических изделий, характеризующимися определенными формами бронзового оружия и орудий.

Первый район, связанный с Кобанской металлургией, охватывает Западное Закавказье, включая и Чорохский бассейн. Основой этого района бронзовых изделий были медные рудники Чорохского бассейна, где известны древние разработки меди.

Второй район включает в себя Центральное Закавказье (центральные районы Грузии и Северная Армения), характеризуется он сочетанием своеобразных форм изделий этого района с прилегающими, в частности, с Кобанским и Кахетинскими.

Медно-рудной базой его были месторождения Малого Кавказа с центром в районе современного Алаверды.

Третий район находился в собственном Междуречье Кавказа и питался рудами Шамхорского района (Кедабек, Калакент), сюда же входили и медные месторождения Нагорного Карабаха.

Нельзя недооценивать значения и Кахетинского района древней металлургии. Археологические работы в этом районе дали большое количество своеобразных металлических изделий. К плохо изученным древним металлургическим районам Закавказья относятся Зангезур и Ленкорань.

В культуре этого времени резко стали выявляться местные особенности, одновременно с усилением процесса племенной разобщенности стали обостряться и различия в материальном производстве отдельных племен. Наблюдается неравномерность развития кавказских обществ. В частности, установившиеся с IX в. до н. э. взаимосвязи Центрального

Закавказья с Ванским Царством значительно ускорили весь ход общественного развития в Южном Закавказье.

В последние годы весьма интересные работы были проведены на территории Северовосточного Кавказа, открывшие новую группу памятников начала I тысячелетия до н. э., отличающуюся от центральнокавказских и закавказских. К ней относятся могильники Дарго и Хорочой в Чечне (раскопки А. П. Круглова) и у ст. Каякент и Гагль в Дагестане. Изучение этой культуры и установление ее соотношения с памятниками смежных районов отчетливо показывают неравномерность развития общества на Кавказе. Племена, оставившие могильники Северовосточного Кавказа, находились еще на средней ступени варварства, а в это же время на Центральном и Западном Кавказе существовала Кобанская культура, характеризующая высшую степень варварства. Южные же районы Закавказья были в это время уже включены в состав древнейшего на нашей территории государства—Ванского царства.

В настоящем кратком обзоре я пытался ознакомить читателя с новыми памятниками, открытыми на территории Кавказа за последние 15 лет, дающими исключительный материал для изучения развития древнейшего общества Кавказа, а также с основными проблемами, над которыми работают в настоящее время археологи-кавказоведы.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

1) Статьи А. П. Круглова, Б. Б. Пиотровского и Г. В. Подгаецкого в сборнике «Материалы и исследования по Археологии СССР», № 3, Изд. Ак. Наук. 1941; А. А. Миллер, Северо-Кавказская экспедиция ГАИМК в 1929 г. Сообщения ГАИМК 1931, № 3, стр. 26—28.

2) Культовый очаг из раскопок Шенгавитского поселения. Вестник Древней Истории, 1938, № 4, стр. 255. См. также работу о древней керамике из Шреш-блуга. Советская Археология, III, 1937, стр. 209.

3) Б. А. Куфтин. К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии. Краткие сообщения ИИМК, VIII, 1940, стр. 20—23. Его же, Археологические раскопки в Триалети, I, 1941, стр. 106—118.

3<sup>a</sup> Е. Г. Пчелина. Археологическая разведка в районе Триалетского хребта, близ г. Тифлиса. Bull. du Mus. de Géorgie, V, стр. 159.

5) W. Jenny. Schamiramalti. Prähistorische Zeitschrift, XIX, 1928, стр. 280.

6) А. П. Круглов, Северовосточный Кавказ во II—I тысячелетии до н. э. Тезисы диссертации, 20/IX, 1941 г.

7) М. М. Ивашенко. Исследование арханческих памятников материальной культуры в Абхазии, 1935. Л. Н. Соловьев. Энеолитическое селище у Очемчирского порта в Абхазии. Материалы по истории Абхазии, I, 1939, стр. 5.

8) Отчет Археологической Комиссии 1897 г., стр. 156.

9) Я. И. Гуммель. Раскопки в Нагорно-Карабахской автономной области в 1938 г. Изв. Азерб. Филиала Ак. Наук, 1939, № 4, стр. 82.

10) Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, I, 1941, стр. 78—105.

11) Дело Арх. Ком., № 140, 1896. Коллекция Кавказского Музея, V. Археология, стр. 119—123; А. С. (пизин), Некоторые закавказские могильники. Изв. Арх. Ком., вып. 29, 1909, стр. 1.

12) Я. И. Гуммель. Крашеная керамика в долине Ганджа-чая, Изв. Азерб. Фил. АН, 1939 № 5, стр. 37.

13) Проблема крашеной керамики Армении. Вестник Инст. Ист. и Лит. Арм. ССР, II, 1937, стр. 268 (на армянском языке).

14) А. С. (пидин). Некоторые закавказские могильники. Изв. Ком., № 23, стр. 3. И. И. Мещанинов. Краткие сведения о работах археологической экспедиции в Нагорный Карабах и Нахичеванский Край. Сообщения ГАИМК, I, 1926, стр. 234. А. А. Миллер. Археологические исследования в Нахичеванской республике летом 1926 г. Сообщения ГАИМК, I, 1926, стр. 236; *St. Przeworski Zagadnienie wpływu* *Misnego wchodu w kulturze Fatzianowskiej Rosji srodkowej, swi-towit*, XV, 1933, стр. 23.

15) А. Алекперов. Крашеная керамика Нахичеванского Края и Ванское Царство. Советская Археология, IV, 1937, стр. 249.

16) A. A. Schmidt, Die Kurgane der Stanica Konstantinovskaja, *Eurasi septentrionalis Antiqua*, IV, 1929, стр. 18—21.

17) А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, Изв. ГАИМК, № 120, 1935.

18) Статья А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого в сб. «Материалы и исследования по Археологии СССР». № 3.

19) Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика. Сб. «Материалы и исследования по Археологии СССР». № 3.

20) Е. И. Крулизов. Погребения эпохи бронзы в Северной Осетии. Труды Гос. Исторического Музея, VIII, 1938, стр. 39—55.

21) Отчет Археологической Комиссии, 1897, стр. 2.

22) Отчет Археологической Комиссии, 1898, стр. 33.

23) Б. Б. Пиотровский. Раскопки у ст. Моздок. Археологические исследования в РСФСР, 1934—1936 гг., стр. 242.

24) М. И. Артамонов. Работы на строительстве Манычского канала. Изв. ГАИМК, № 109, 1935, стр. 201. Его же. Раскопки курганов в долине р. Маныча. Советская Археология, IV, стр. 93.